

Среди книг

Издано
в СССР

ОБЛИК ВРЕМЕНИ И ДУША НАРОДА

Современная монгольская повесть. Перевод с монгольского. Вступительная статья М. Колесниковой. Составитель Г. Матвеева. Москва, «Художественная литература», 1974.

Современная монгольская новелла. Перевод с монгольского. Составитель и автор вступительной статьи К. Яцковская. Москва, «Прогресс», 1974.

С. Дашдоргов. Синие горы вдали. Повести и рассказы. Перевод с монгольского. Составление К. Яцковской. Предисловие В. Бильдушкинова. Москва, «Прогресс», 1976.

«...Позади остались низкие горы, протянувшиеся между Алтаем и Гоби, и теперь чередою проплывали долины и степи, причудливые впадины и котловины. Весна была в разгаре; ее теплое ласковое дыхание чувствовалось уже повсюду. В такую пору особенно хорошо скакать по степи...»

Так начинается новелла монгольского писателя Б. Бааста «Степные рябчики» из сборника «Современная монгольская новелла». Казалось бы, пейзаж этот мог быть нарисован столь же поэтично и полвека, и век назад: все те же долины и все та же степь, но, взглядевшись в облик сегодняшней Монголии, видишь: и пейзаж изменился, и люди, и сама их жизнь.

Было время, когда изучали древнюю историю Монголии, знакомились с ее географией, природой, с многовековой давности

бытом. Известны заслуги в этой области русских путешественников и исследователей Центральной Азии Н. М. Пржевальского и П. К. Козлова. Еще в прошлом веке изучал монгольскую литературу, например, крупнейший монголовед А. М. Позднев. Широко известны его работы «Образцы народной литературы монгольских племен» (1881), «Монгольская летопись «Эрдэнийн Эрихэ» (1883), «Монголия и монголы» (1896—1898).

Новая, социалистическая Монголия является исключительно интересным объектом для исследований и в области экономики, и в области права, и философии, и культурного строительства. Представить себе духовный рост монгольского народа сегодня невозможно и без его литературы.

По объему и чисто формальным признакам не все, что входит в книгу «Современная монгольская повесть», можно отнести именно к повести. Некоторые произведения — например «Первый Новый год» — скорее развернутый рассказ (автор Д. Тарва). Но стремление к точным психологическим характеристикам, к большей, нежели в обычной новелле, многоплановости приближает это небольшое произведение к жанру повести.

«Первый Новый год» Д. Тарвы знаменателен тем, что в нем показана жизнь рабочего класса, появившегося в Монголии после революции 1921 года. Молодые шахтеры угольного карьера Шарын-Гол — это люди нового мира, с широкими интересами, с оптимистическим мироощущением, и для них встреча Нового года по общепринятому мировому календарю, а не по религиозному — еще один шаг на пути духовного прогресса.

Судьба девушки Нямжав, долгие годы батрачившей у богатого скотовода Балдана, но под влиянием одного из руководителей местной народной власти, Сомона, ушедшей в город и ставшей работницей

(Н. Банзрагч, «Праздничная ночь»), тесно связана с рождением рабочего класса в стране, не имевшей ранее ни одного промышленного предприятия. Работа в шерстомойном цехе, в дружном коллективе, девушка находит себя и как человек труда, и как гражданин нового, свободного общества, здесь же она находит и свое личное счастье.

Идут годы, многие невзгоды остаются позади. Нямжав, которой уже под пятьдесят, задумывается о жизни своей дочери, и понятия не имеющей о том, что значит батрачить: «Наши дети приходят нам на смену. На фабрике дня не проходит без изменений: новая техника, новые машины... растут умелые, знающие рабочие... у каждого — своя судьба, свой характер».

Внимание читателя несомненно привлекут и такие произведения, как «Год синей мыши» С. Эрдэнэ¹, «В Галбын Гоби» Б. Чойндона, «Юндэн из Красной юрты» С. Дашдорва. Каждое из них отличает своеобразная документальность и историчность. В этом смысле, пожалуй, наиболее значительна повесть «Год синей мыши». Попытка бурятского князя Дунгара бежать от революции в России не удалась: революция настигает его и в Монголии. Народная власть, преодолевая сопротивление злобных и коварных феодалов, уничтожает эксплуататорский строй и выводит на первое место в обществе аратов — трудовой народ. Этот процесс показан автором и в острых поворотах сюжета, и в развернутых характеристиках персонажей.

Книга «Синие горы вдали» знакомит читателя с одним из популярных современных писателей Монголии — Сормуниршином Дашдорвом. В более ранних сборниках — «Восхваление Гоби», «Аргамак», «Радуга в степи» — он предстает перед нами как одаренный поэт, истоки творчества которого восходят к богатой народной традиции; в романе-дилогии «Высота Гоби» писатель находит себя и как прозаик. Известен он в монгольской литературе также как кинодраматург и автор книг для детей. Жанровое многообразие творчества Дашдорва — результат поисков наиболее точной и выразительной формы для воплощения в художественном произведении жизненного материала.

Сборник «Синие горы вдали», содержащий ряд рассказов и повестей Дашдорва, начинается повестью «Большая мама».

Название пустыни Гоби происходит от монгольского «говь», что означает «безводная пустыня». Но в повестях и рассказах Дашдорва мы видим Гоби иной.

Гоби, родина писателя, раскрывается перед читателем как мир не яркой, но своеобразной красоты. И люди, населяющие этот край, нам понятны и близки.

Дого, жену старого скотовода Дамирана, шоферы, проезжающие мимо ее, стоящей возле дороги юрты, называют «Большой мамой». Эти молодые парни, иногда грубоватые, иногда душевные, спешащие в но-

вые поселки, в госхозы, на стройки, находят здесь не только приют в непогоду, ночлег, вкусную еду, но и приветливое слово. Вот почему Дого для них не просто Дого, а мама.

Когда я читал эту небольшую повесть — по ассоциации вспомнил повесть Флобера «Простое сердце». Великая преданность — навсегда, до конца жизни, верность человеку несмотря ни на что заключена в сердце простой служанки Фелиситэ. В сердце «Большой мамы» — женщины простой, малограмотной — вместились и неиссякаемая доброта, и любовь, и готовность всегда прийти на помощь, и желание обязательно позаботиться о другом человеке. Она как будто схожа с Фелиситэ. Но одновременно есть между ними и существенное различие: для Фелиситэ мир сконцентрирован в одном человеке. Для Дого он — во всех людях труда, которые переступают порог ее юрты.

Старая Дого погибает, застигнутая снежным бураном, когда пытается добраться до совсем незнакомых ей людей, затерявшихся в степи. Она несет им пищу и горячий чай, но, обессиленная, падает, не дойдя до цели каких-то пятисот шагов...

Обстоятельства жизни героев Дашдорва подчас совершенно обыденны. Раскрыть образ, его суть через драматизм сюжета удается не всегда, но опять-таки глубокое знание реальности, на которой строится произведение, позволяет писателю обнажить духовную сущность персонажей как бы изнутри.

В повести «Синие горы вдали», рассказывающей о молодом художнике, есть такие слова: «...приступая к новой картине, я каждый раз надеялся, что обязательно одолею далекие синие горы моего детства...» И в этом одолении — суть характера героя, его идеалов. Синие горы вдали — это та великая духовная цель, к которой всю жизнь устремлен человек, если в нем горит огонь служения народу.

В ряде рассказов Дашдорва, помещенных в этой же книге («Двое из одной долины», «Новый год среди звезд», «Предчувствие покоя»), нет четко выраженной концовки. Но эта недоговоренность не случайна. Она как бы служит продолжением внутреннего монолога, к которому герои произведений Дашдорва прибегают нередко. Оставаясь наедине с собой, они порой обращаются к прошлому, ищут в нем истоки собственных ошибок и радостей. Углубленный психологизм свойствен почти каждому из персонажей книги «Синие горы вдали».

Новелла — один из самых молодых жанров монгольской литературы. Однако в пору, когда наблюдалось увлечение крупной прозаической формой, в монгольской литературе ему отводилось едва ли не последнее место. С течением времени внимание писателей обратилось к этому жанру. Здесь уже проявили себя такие опыт-

¹ Впервые повесть была опубликована в «Иностранной литературе» № 11, 1974 г.

ные писатели, как Ч. Лодойдамба, Ж. Пурэв, А. Тудэв, Ц. Дамдинсүрэн, Б. Бааст и другие. Но о хорошем начале свидетельствуют и произведения молодых писателей — Д. Урианхая, Д. Цэдэва, Ч. Алгаа, также помещенные в сборнике «Современная монгольская новелла».

Монгольский эпос, монгольский фольклор содержит в себе множество сюжетов, посвященных неудачной, попорченной или отвергнутой любви. Традиции прошлого, религиозные верования и феодальные пережитки лишали женщину права на собственный выбор. Новый быт, настойчиво вытесняющий старые понятия и ограничения, на первый план выводит чувство свободное. Это противоборство нового и старого, эта ломка прежних установлений находят свое выражение в ряде произведений, которые целиком посвящены теме любви. Таковы, например, новеллы Ч. Алгаа «Владелец бархатисто-черного коня» или Ч. Лодойдамбы «Завет».

Ряд новелл сборника — скорее очерки, наброски, основой для них послужил, казалось бы, малозначительный факт. Подобные зарисовки напоминают схваченное на лету движение. словно это песня кочевника, едущего по степи и поющего о том, что видится вокруг. Но за ними встает жизнь Монголии, ее люди, активно и творчески участвующие во всех сферах жизни. Именно таков главный герой современной монгольской литературы.

Многогранно освещая социальные и духовные процессы, которые характерны для сегодняшнего дня Монгольской Народной Республики, литература страны позволяет нам приобщиться к жизни и устремлениям братского народа. В этом ее сила, ее идейная и художественная ценность.

ЗАХАР ДИЧАРОВ

ВЕНГРИЯ ВЧЕРА И СЕГОДНЯ

ПЯДЬ ЗЕМЛИ, СОЛЬ ЗЕМЛИ

Пал Сабо. Пядь земли. Роман. Перевод с венгерского и предисловие Ю. Гусева. Москва, «Прогресс», 1975.

«Пядь земли» — уже второй изданный на русском языке роман недавно ушедшего из жизни Пала Сабо¹. Воочию видишь, как рядом с известной у нас «Библиотекой венгерской литературы» возникают одна за другой библиотечки малые — Янош Арань и Бела Балаж, Антал Гидаш и Йожеф Дарваш, Дюла Ийеш и Йокай Мор; теперь Пал Сабо с двумя романами. Знакомство с творчеством Пала Сабо, с этой прозаической поэзией венгерской равнины Алфёлд и ее скромных хуторов, городков и деревень говорит о том, что перед нами писатель, который в разное время говорил о разных

ликах жизни, но никогда не заблуждался насчет ее существа.

В романе «Пядь земли» мы встречаемся с жителями деревни на реке Кёреш (где писатель провел долгие годы, там он и похоронен), и благодаря мастерству художника выпукло и зримо предстает перед нами все, что происходит с этими людьми. В полусказочную зимнюю ночь (ее описание любопытно напоминает классический пассаж «А погода великолепная...» из чеховского «Ваньки») ушлый Йошка Гоз умыкает невесту с чужой свадьбы. Местный грамотей Ференц Папш на каждом застолье донимает собравшихся бесконечными декламациями из Петефи. В корчме от непреодолимого и опасного искушения мается, подвыпивши, странный Имре Вад. Вроде бы порядочный с точки зрения властей держащих граждан, крепкий хозяин и не забывает о нуждах храма, — но стоит вспомнить давний русский плен, Красную Армию, первую жену-казачку и сына, потерянных где-то то ли на Урале, то ли на Кубани, как он нет-нет да и сорвется: страшно хочется топнуть ногой и во все горло затянуть «Интернационал»... При возведении дамбы жестокая стычка местного крестьянства с озлобленными рабочими-землекопами, которым нечего терять, — потому-то, как вдруг осознает замешанный в дело Гоз, они и побеждают, навязав условия не только господам, но и сельской общине... А вот разбирающий непорядки уездный начальник, обуреваемый желанием непременно «воспарить над пошлостью деревенской жизни». Его воспарения сами по себе смешны и пошлы, они не поднимаются выше карточной игры с «большими людьми» в уездном центре. Но вдруг ловишь себя на мысли: а ведь перед нами совсем не примитивный органик, а живой человек — он всего лишь чуть-чуть менее венгр, чем другие, вверенные ему властью люди, и досада от проигрыша трехсот пенте не может перебить в нем другого, гораздо более тоскливого чувства: надо бы понять эту нелепую голь, надо бы обязательно понять... Неужели он этого не сможет?

И поверх этой суетной и все менее реальной власти — своеобразная власть земли. Не та, известная по модернистскому крестьянскому роману о деревне «таинственная сила», которая требует или помогает «безотчетно раствориться в Матери-Природе», а предельно человеческая потребность работать на земле, осваивать и возделывать ее. Редко прибегая к образам «тайны» и «бесконечности» в крестьянской жизни (а иногда делая это с легкой иронией), Пал Сабо помогает понять: народ — это осторожно, но настойчиво испытывающий землю ее хозяин.

Перед нами деревня двадцатых — тридцатых годов, деревня венгерская; однако люди, их судьбы и проблемы издавна близки нам. И, конечно, вовсе не потому, что в грезах Имре Вада возникают, как утверждала когда-то критика, «несравненные картины русской жизни». Эти грезы

¹ Роман П. Сабо «Новая земля» (1952) вышел на русском языке в 1955 году.